

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ДВУХ КНИГАХ СОЛОМОНОВЫХ РЕЧЕНИЙ

*Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.*

Борис Пастернак

Само, казалось бы, вполне светское понятие политического дискурса применительно к памятникам библейской словесности непривычно и условно: у памятников этих – иной, по существу, сакральный статус в европейской и российской культуре. Более того, говоря о «политическом дискурсе» в библейских текстах, мы волей-неволей вменяем этим священным синкретическим памятникам элементы собственного дисциплинарного мышления. Однако, при всей важности этой предшествующей оговорки, при всей важности понимания живых и сложных исторических контекстов становления библейских памятников и их трансляции сквозь века – условная постановка вопроса об элементах политического дискурса в Библии представляется мне правомерной¹. Действительно, кто в праве запретить нам рассматривать библейские описания жизни человеческого общества и человеческой личности через призму проблем власти, царственности, насилия, элементов древнего восточного правосознания и – в конце концов – представлений о принципах общественной организации и о месте в ней конкретного человека?²

Разумеется, современная тематизация содержания древних памятников попросту невозможна без погружения в их языковую стихию и в их сакральные синкретические смыслы. Я бы и не отважился на такую тематизацию, если бы сам не работал над комментированным научным (и одновременно – поэтическим) переводом с древнееврейского двух афористических коллекций, условно приписываемых царю Соломону – книге Притчей Соломоновых (в оригинале – *Мишлей Шломо*)³ и Книги Экклезиаста (в оригинале – *Кохелет*, т.е. – условно – *Проповедующий в собрании*).

---

¹ Обращение к понятию политического дискурса в отношении библейских текстов подсказано мне дипломной работой моего сына – Бориса Рашковского, защищенной с отличием в 2005 г. в Российско-французском центре исторической антропологии им. М. Блока при РГГУ (Рашковский Б.Е. Царская власть в социополитическом дискурсе книги Второзаконие / Дипломная работа... Научный руководитель А.И. Шмаина-Великанова. – М., 2005 /рукопись/).

² См.: Вейнберг Й.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – М.: Наука-ГРВЛ, 1986.

³ Мой перевод первого памятника, выполненный еще в 90-е гг., вышел отдельным изданием (Книга Притчей Соломоновых / В помощь изучающим Священное Писание / Пер. с древнееврейск., предисл. и комм. Е.Б. Рашковского. – М.: Об-во друзей Священного Писания, 1999); второй был завершен весной 2007 и остается пока в рукописи.

Существует еще и грекоязычная Книга Премудрости Соломоновой, не входящая в основной библейский канон и относимая к кругу так называемой второканонической словесности⁴. Однако сопоставление этого неканонического текста с каноническими книгами Соломоновых речений было бы предметом особого рассмотрения.

Итак, перейдем последовательно к реконструкции условных «политологических» воззрений обеих приписываемых царю Соломону книг. Цитаты из обеих даю в собственном переводе.

Притчи

Окончательное сложение текста Притчей⁵ можно датировать примерно V-IV вв. до н.э. – периодом между эдиктом персидского царя Кира о праве евреев вернуться на родину из Вавилонского пленения (538 г. до н.э.) и македонским завоеванием Палестины (320 г. до н.э.): об этом свидетельствует наличие некоторых арамеизмов и полное отсутствие греческих заимствований в тексте памятника. Однако многие пласты текста, действительно, восходят ко времени Соломонова царствования (X в. до н.э.) и последующих времен; а многие фрагменты восходят, условно говоря, к египетской словесности эпохи Нового царства (XVI-XI вв. до н.э.), а также к словесности доизраильского Ханаана и Ассирии⁶.

Но, прежде чем обратиться к содержательной стороне вопроса, кратко остановимся на важности проблемы собирания афористических коллекций в скрипториях и архивах царских дворцов и храмов древнего Ближнего Востока.

Царские и храмовые писцы (т.е. одновременно и чиновники, и юристы, и педагоги, и древние «политтехнологи»)⁷ – вот тот особый социальный массив, который разрабатывал, фиксировал, хранил и распространял этот особый жанр коллекций назидательных речений. Один из древнейших памятников самосознания этого массива, доступный русскому читателю благодаря переводу Анны Ахматовой – древнеегипетская апология писцов:

...Они не строили себе пирамид из меди

⁴ См.: Мень А., прот. Библиологический словарь. Т. 2. – М.: Фонд им. А. Меня, 2002. С. 486-488.

⁵ Слово «притча» (*машал*) может переводиться и как «речение», «афоризм», «образец», «пример».

⁶ Текстологические обоснования этих суждений даются в предисловии и комментариях к моему переводу Притчей.

⁷ См.: Дандамаев М.А. Вавилонские писцы. – М.: Наука-ГРВЛ, 1983.

*И надгробий из бронзы,
 Не оставили после себя наследников,
 Детей, сохранивших их имена.
 Но они оставили свое наследство в писаниях,
 В поучениях, сделанных ими...⁸*

Каковы же были функции этого великого социально-исторического массива древневосточных патримониальных бюрократов, – массива, приближенного к царской власти и к жречеству, но вполне своеобразного именно в своих трудах и в своем групповом самосознании? – Это –

- ведение царской и храмовой официальной документации и архивохранилищ,
- обоснование и экспертиза принимаемых царями или жреческими коллегиями властных и политических решений,
- весьма опасные и требующие немалых знаний и немалого искусства процессы посредования между верховной властью и населением (стало быть, репрезентация власти перед общинами и репрезентация общин перед властью),
- поддержание культуры официального (и, в частности, дипломатического) красноречия,
- ведение многотрудных учебных процессов при работе с подростками и молодежью⁹ (развитие мнемонических способностей, обучение письму и рецитации, обучение толкованию законов, афоризмов, священных текстов, юридических актов),
- last, but not least: обоснование некоторой картины мира, в частности – общих принципов миропорядка, властных и юридических отношений в мире, педагогического мастерства как одной из важнейших предпосылок благополучия государства и общества, обобщение опыта повседневности...

Короче – речь об особой субкультуре древней служилой «интеллигенции» Ближневосточного ареала.

Позволю себе выделить, по крайней мере, три постулата, неотъемлемо присутствующих именно в политическом дискурсе Книги Притчей:

- 1) эффективной и справедливой власти должны сопутствовать непрерывные и благоговейные учебные процессы в семье и в обществе;

⁸ Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Худ. Лит., 1973. С. 102.

⁹ И потому не случайно на страницах Книги Притчей обращение авторов речений к слушателю-читателю: «сын мой», «сынок» (*бани*).

- 2) высота культурной нормы в обществе должна противостоять как тираническому его перерождению «сверху», так и криминализации «снизу» (ибо последняя порождается не только бедностью и алчностью, но и псевдопотребностями, связанными с духовной скудостью людей),
- 3) власть лишь тогда эффективна и прочна, когда ориентируется не на комплексы случайных обстоятельств и – стало быть – на каприз и произвол, но и на высокую, хотя и вечно недосказанную духовно-культурную норму: на заложенную в самой основе Творения Премудрость Господню¹⁰.

Действительно, согласно условному политическому дискурсу Притчей, полномочия и прерогативы земной власти весьма велики, но всегда надобно помнить, что самодурство и деспотическое перерождение царской власти ведут страну и народ к гибели¹¹. И в этой связи от царской власти требуется – в идеале – и некоторая степень нравственной разборчивости, и благорасположенность к подданным, и умение выслушать и понять мудрецов.

Вот что говорит об этом текст нашего памятника:

*Мерзки должны быть царям деяния подлые,
ибо правдою держится престол.
Угодны царям уста праведные,
а тем, кто говорит по чести – царская любовь.
Царский гнев – что Ангелы смерти,
человек же премудрый – и гнев усмирит.
Свет от лица царева – жизнь,
а благоволенье царское – что ливень весенний¹².*

Сама царская власть мыслится находящейся под суверенитетом Бога:

¹⁰ Целая своеобразная мифопоэтическая философия Премудрости (евр.: *Хохма*) изложена именно на страницах Книги Притчей: 1:1-6; 3:19; 4; 8;9:1-6. По существу, эта философия всеприсутствующей и ждущей от сынов человеческих свободного к ней обращения Премудрости и образует смысловую и композиционную основу книги. Этот аспект Книги Притчей подробно рассматривается в моем предисловии и комментариях к ее отдельному изданию (см. сноску 3).

¹¹ *Nota bene*. Библейское историческое мышление опирается на богатейшую базу весьма печальных наблюдений не только над судьбами окружавших Древний Израиль народов и царств, но и самого Израиля. Подробнее см.: Рашковский Е.Б. Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 35-65.

¹² Притч 16:12-15.

*Сердце царя в руке Господа – что в русле канала вода:
куда пожелает – туда и направит¹³.*

Но это нахождение под Вышним суверенитетом налагает серьезнейшие нравственные обязательства и на царя, и на вельможу, и на чиновника, и – в известной даже мере – на рядового подданного. Не потому ли так актуально – даже для нынешних времен – могут звучать приводимые ниже версеты Притчей? –

*Выручай обреченных на смерть, –
неужто не убережешь людей от убиенья? –
Ты, конечно, можешь сказать: «Ничего мы об этом не знали...» –
Но Испытующий сердца – неужто Он не знает?...
Сохраняющий душу твою – неужто не знает?..
И каждому воздаст по заслугам¹⁴.*

---

¹³ Притч 21:1

¹⁴ Притч 24:11-12.

Таким образом, если власть дерзает отождествлять себя с капризом и произволом, – то тем хуже не только для подданных, но и для самой власти. И об этом повествуют прямым текстом составители и коллекционеры «соломоновых» афоризмов:

*Торжествуют праведники – наступает прославление великое,
а уж как нечестивцы возносятся – разбегаются люди. /.../
Блажен, у кого страх Божий,
а кто ожесточает сердце свое – попадет в беду.
Лев рычащий, медведь рыщущий, –
таков и злобный правитель над бедным народом¹⁵.*

И всё же – под каким бы внешним суверенитетом она не находилась, – восточная сакральная власть остается для подданного грозной и непредсказуемой. И посему одна из важнейших добродетелей подданного – быть осторожным перед властью, сколь бы благожелательной и благонамеренной она бы ни казалась. Да к тому же и карьеристское рвение едва ли красит подданного и в глазах царей, и в глазах простых смертных:

*Не рисуйся перед царями
и на место вельмож не становись:
ведь куда лучше, если скажут тебе: «Подымись повыше», –
чем унижение перед владыкой,
которого видели глаза твои¹⁶.*

Но и высокий статус (включая и статус царственный) требует от человека – опять-таки в идеале! – не только осторожности и осмотрительности, но и некоторой внутренней аскезы, связанной со способностью преодолевать искушения власти и богатства, но и некоторой сердечности в отношении к людям. Этой проблеме посвящен один из заключительных и притом – один из самых проникновенных и загадочных

---

¹⁵ Притч 28:12, 14-15.

¹⁶ Притч 25:6-7. Ср.: Сир 7:4-5; Лк 14:7-11.

пассажей Книги Притчей, который вменяется не израильским царям Соломону или Езекии (Хизкии), ни даже израильтянину-подданному, но иноплеменнику и язычнику – воображаемому Лему-Элю, царьку аравийского племени Масса¹⁷. Афористический монолог этого премудрого варвара достоин того, чтобы быть приведенным и почитанным полностью. Ибо в нем – один из сгустков политического дискурса Книги Притчей:

*Слова Лему-Эля, царя из Массы,
 которыми наставляла его мать¹⁸.
 Что поведать тебе, сынок? Что поведать тебе, сын утробы моей?
 Что поведать тебе, сын обетований моих?¹⁹
 Не растрачивай с женщинами мощи твоей –
 не сбивайся с пути ради разорительниц царей²⁰.
 Не царям, Лему-Эль,
 не царям упиваться вином,
 не вельможам упиваться брагою, –
 иначе, упиваясь, позабудут они законы,
 и извратят пути правосудия для всех, кто обездолен²¹.
 Подайте браги тому, кто гибнет²²,
 а вина – кому горько на душе:
 выпьет – и забудет беду свою,
 и не вспомнит о страдании своем²³.
 Уста твои – открывай ради безгласных,
 ради правосудия для всех беззащитных²⁴.
 Уста твои – открывай ради суда праведного,*

¹⁷ Масса – племя арабов, потомков Измаила (Быт 25:14; I Парал 1:30), живших на Аравийском полуострове неподалеку от Персидского залива.

Однако же слово «масса», связанное с корнем *мем-син-алеф*, – значимое: бремя, поклажа, пророчество. Само же имя Лему-Эль (вспомним: у Свифта этим же именем снабжен путешественник и страдалец Гулливер) также имеет некий условный смысл: Тот, с кем Бог.

¹⁸ Лему-Эль – как бы символическая, внеизраильская, но тем самым подчеркивающая смысловую универсальность Книги Притчей, параллель Соломону – царю, воспитанному и наставленному своей матерью Бат-Шевой (Вирсавией). – См.: 3 (1) Царств 1; I Парал 3:5). Так что, согласно скрытому политическому дискурсу Книги Притчей, язычник, вдохновленный Премудростью, иной раз может знать больше, нежели царь над Израилем.

¹⁹ В этом версете вместо еврейского слова *бен* (сын) употребляется арамейское *бар*. Вообще, в этом разделе книги встречаются арамеизмы, что свидетельствует об относительно позднем его происхождении.

²⁰ Возможно, намек на женолобие и расточительность Соломона в поздний период его царствования.

²¹ *Коль-бней-они* (букв.: «для всех сынов нищеты», или – «для всех сынов унижения»).

²² Хмельные напитки использовались как болеутоляющее; в частности, их подавали тем, кто умирал в особых муках.

²³ Есть и еще один несомненный смысл в этом пассаже: и государство и общество, осуждая пьянство от праздности и внутренней пустоты (см. Притч 23:29-35), вынуждены считаться с пьянством от горя.

²⁴ *Коль-бней-халуф* – букв.: «для всех сынов заброшенности».

ради правосудия для бедных и нищих²⁵.

Экклезиаст

Этот второй, приписываемый Соломону афористический и элегический сборник является памятником еврейской словесности эллинистической эпохи. Время его сложения – не ранее IV в. до н.э. Основанием для такой датировки Экклезиаста может служить та общая для Востока и эллинизма философия вечного круговращения, которая отсутствует в библейской мысли предшествующих эпох, –

*Несется ветер на юг, сворачивает на север,
ходит кругами
и возвращается на круги свои.
К морю текут потоки,
но моря – не переполняют:
куда бежали – туда и потекут вновь.*

.....

*Что было, то и будет,
что случилось, то и случится,
и нет ничего нового под солнцем.
Иной раз говорят:
- Вот, погляди – новое!
Только всё это было в иные века, задолго до нас.
Прежних – не помнят,
о тех, кто был следом за ними, – позабыли,
а кто последует за нами, –
и тех позабудут²⁶.*

В тексте Экклезиаста можно найти и отзвук эксцентричного речения кинического мыслителя из Малой Азии – Диогена Синопского (V-IV вв. до н.э.) – «Ищу человека!». Создатель (или создатели?) Экклезиаста горько констатирует:

²⁵ Притч 31:1-9.

Бедные и нищие в терминологии нашего памятника – это не только материально и статусно обделенные, но и те, кто попросту не способен постоять за себя перед лицом агрессивных соперников или произвола властей.

²⁶ Эккл 1:6-7, 9-11.

...искала душа моя человека и не находила²⁷.

Для того, чтобы глубже войти в лингвистическую и смысловую стихию Экклезиаста – этого важнейшего памятника ветхозаветной мысли эллинистической эпохи – кратко остановимся на самом известном его афоризме:

- *Хавэль хавалим, - амър Кохэлет, - хавель хавалим, ха-коль хавель:*

- *Всё понапрасну. – сказал Кохелет, - всё понапрасну. Одна лишь погоня за пустотой*²⁸.

Итак. Стержневое для этого текста и по-прежнему варьируемое и огласуемое в нем понятие *хе-бейт-ламед* (*хавель / хэвель*) – воздух, пар, дуновение, дыхание, вздох; переносные же значения этого понятия – суета, тщета, беспочвенность, бессмыслица²⁹. Исторически – благодаря Септуагинте и Вульгате – и соответственным переводам (*mataiotēs*³⁰, *vanitas*) – в христианских, а вслед за ними и в иудейских переводах на новые языки воспроизводится именно переносное значение слова *х-в-л*. Такое воспроизведение отнюдь не ошибочно, ибо соответствует аналитичности и тому стремлению к точности категорий, что свойственно новым языкам индоевропейской семьи. Но при этом теряется элемент почти что внекатегориальной, экспрессивной изобразительности, который присущ древнееврейскому языку.

Известна и попытка попросту обойти это лингвистическое противоречие, оставляя в английском (American English) нетронутым еврейское слово *х-в-л* и воспроизводя его курсивом в латинице как *havel*. Так поступает переводчик комментированного издания Экклезиаста др. Цви Файер³¹.

Стремясь удержать смыслы и поэтику древнееврейского оригинала, я переводил *хвл / хвлим* как «понапрасну», «погоня за пустотой», «погоня за ветром». Но всё же при этом прошу читателя не упускать из виду то обстоятельство, что я ни коим образом не оспариваю сложившийся в европейско-русской традиции способ перевода этих стержневых для нашего текста, хотя и отчасти стертых в силу частого бытового употребления понятий: «суета / суета сует».

²⁷ Эжкл 7:28.

²⁸ Эжкл 1:2.

²⁹ См. информационный ресурс: Bible Works, WTT, Ketib, Eccl 1:2.

³⁰ «Суета, ничтожество, тщеславие, безумие» (Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Изд. 5. – СПб. 1999. С. 783).

³¹ Yerushalmi Sh., Rabbi. The Book of Koheleth me-Am Lo'ez / Transl. by Dr. Z. Faier. – N.Y. – Jerusalem, 1988.

Но что интересно именно в плане историко-политического нашего рассуждения: описанный выше элемент восточно-эллинистического (не побоюсь сказать – кинического) пессимизма вносит некоторую новую творческую тему в трактовку проблемы царства и царственности во всём комплексе библейской словесности. Власть, царственность, а с ними и вся сфера отношений политических, не только и подчас даже не столько священны (последний акцент весьма силен – хотя и не безусловен в Книге Притчей), сколько *ситуативны*. Т.е. неизбежны и необходимы. Но в некотором требовательном, духовно-нравственном измерении – несут в себе черты суетности и условности. Воистину, – если вспомнить намеренно заостренную категоричность древнееврейских речений, – черты «погони за пустотой». Как бы ни была непреложна и сакральна верховная земная власть, но и она – под знаком фатальных космических и жизненных сил:

Так я скажу:

слово уст царевых – исполняй перед Богом³².

От лица царева уйти не спеши,

дел дурных не отстаивай.

Ибо что царь захочет – то и сделает,

потому что у слова царского – сила,

да и кто возразит царю: «Что ты такое творишь?»

Кто заповедь соблюдает – тот и зла не испытывает,

ибо и о временах, и о судьбах ведает сердце мудреца.

На все вещи – свои времена и свои суды,

ибо велики злодеяния людские,

и не ведает человек,

что с ним произойдет и как произойдет,

и кто изъяснит ему будущее.

И не властен человек удержать ветер,

и не властен он над временем собственной смерти,

и отпуска нет на войне,

и не спасется злодей злодейством своим³³.

³² Рецепция древневосточного принципа: за царем, принимающим клятву подданного, стоит божество. – См.: Atkins G.G. The Book of Ecclesiastes. Exposition // The Interpreter's Bible. In 12 Vols. V. 5. – Nashville: Abington Press, 1989. P. 69.

³³ Эклл 8:2-8.

Властные и политические отношения подпадают несправедливым и безличным мирским стихиям, о чем с беспощадной афористической отточенностью и повествует Экклезиаст:

*И присмотрелся я³⁴ к происходящему под солнцем:
 бег – не для скорых,
 война – не для отважных,
 хлеб – не для мудрых,
 богатство – не для сведущих,
 милость – не для знающих³⁵ ...
 И каждому – свои сроки и судьбы,
 и не ведают люди срока своего,
 попадая, словно рыбы, – в злую сеть,
 словно птицы – в силос.
 Так и встречают сыны человеческие злой свой час,
 наступающий внезапно³⁶.*

И непосредственно за этим пассажем следует горькая притча об осажденном городе и о неблагодарности людской. Экклезиаст не сомневается в сакральной и – в конечном счете – космической правоте познания и мудрости. Но в плане истории профанной, ситуативной – именно мудрец может оказаться в небрежении и проигрыше:

*И еще такую важную мудрость осознал я³⁷ под солнцем:
 был некий городок с малым числом жителей,
 и явился под стены его некий могучий царь,
 и обнес городок мощным осадным валом³⁸,
 но нашелся в городке бедный мудрец,
 и мудростью своей выручил осажденных...
 Но хоть бы кто в городе вспомнил про этого бедняка!
 И сказал я:
 мудрость лучше силы,*

³⁴ *Шавти вэ-рѣаити* (букв.: «сел и увидел»).

³⁵ Один из комментаторов обращает в связи с этим версетом внимание на следующее обстоятельство: несбывшиеся чаяния людей – один из важных сюжетных элементов во всём корпусе ветхозаветных повествований (см.: Энтин Р. Экклезиаст. – /Иерусалим:/ Бней-Брак, 1989. С. 105-106).

³⁶ Эккл 9:11-12.

³⁷ *Рѣаити* (букв.: «увидел я»).

³⁸ *Мецодим гдолим*.

*но пренебрегают люди мудростью бедняка
и не прислушиваются к его словам.
Однако тихие слова мудреца слышней,
чем вопли начальника над глупцами,
мудрость надежнее оружия,
но один грешник много доброго способен погубить³⁹.*

Еще раз повторю: Экклезиаст (в какой-то мере это относится и к Притчам) настаивает на относительности, ситуативности и небезгрешности земных властей. А если и на святости – то уж никак не безусловной. Тогда – вопрос: как защититься человеку от тех извращений и злоупотреблений, что пронизывают собой всю ткань общественной жизни? От падких на деградацию властей придержащих и от рвущихся к власти криминальных групп?

Внутренний «резерв»

Как бы ни относились мы к теологической проблеме боговдохновенности обоих наших памятников, – при работе с ними мы не можем не заметить, что создавались они людьми, искушенными в жизни и вполне трезво воспринимающими весь комплекс властных и политических отношений. Оба наши памятника настаивают на праве и потребности мыслящего и верующего человека иметь за душой – при всех властях и при всех колебаниях их «генеральных линий» – некий *интеллектуальный и духовный внутренний резерв*, некое право, выражаясь по-русски, быть «себе на уме». Многозначность и сложность этого внутриличностного «резерва» (да к тому же еще и в условиях сакрализованной восточной власти!) со всеми превратностями истории общества и государства и составляет, на мой взгляд, стержень условного политического дискурса обеих канонических библейских книг Соломоновых речений.

Но вот этот-то самый, на первый взгляд, бессильный внутренний резерв, этот интеллектуально-духовный минимум, образующий основу некоторой личной а с нею и общественной *культурной нормы*, – как показывает история веков и веков, – становится непреложной предпосылкой достойной жизни человека и достойного существования государства и общества⁴⁰.

³⁹ Эккл 9:13-18.

⁴⁰ На Древнем Востоке одна из самых осознанных и последовательных попыток обоснования связи внутриличностной культурной нормы со всей совокупностью общественных процессов дается в философии Конфуция и его последователей. Подробнее об этом: Рубин В.А. Идеология и культура древнего Китая (четыре силуэта). – М.: ГРВЛ, 1970. Судя по высказываниям целого ряда лидеров КНР, Тайваня и Сингапура

И понятной становится та ненависть, которую проявляли к этому минимуму завоеватели и деспоты традиционных эпох, и тоталитарные властители, и экономические и медийные манипуляторы новейших времен...

Однако идеи гражданственности как осознанной самоорганизации общества, противостоящей произволу «сверху» и криминально-анархическим поползновениям «снизу», мудрецы Древнего Израиля не знали⁴¹. Дальше идеала просвещенной патерналистской монархии, удерживающей себя при помощи «мудрецов» (т.е. опытной служилой «интеллигенции») от тиранических искушений, они не пошли. Идея же гражданственности – идея «*доблестных граждaн*», способных противостоять властному произволу «*силой разума и права*»⁴², – это всемирно-историческое завоевание уже не восточных, но именно *европейских* народов древнего Средиземноморья – эллинов и римлян.

Однако же, оценивая историческую ретроспективу последних двух-трех тысячелетий, следует понять, что вобравший в себя многие достижения культурного творчества народов Ближнего Востока древний Израиль – через посредство библейской и евангельской словесности – оживил и подкрепил эту макроисторическую и макрополитическую идею гражданственности подлинно духовным смыслом. Смысл же этот связан с идеей внутренней автономии личности в вере, правдоискании и сострадании. С идеей, так или иначе призванной реализоваться и в общественной жизни.

О чем и свидетельствуют недвусмысленно тексты обоих наших памятников.

Разумеется, в библейском условном политическом дискурсе, наряду с описанной выше темой «внутреннего резерва» есть еще куда более мощная и уникальная тема свободы и протеста. Однако эта тема уже была предметом предшествующих моих исследований⁴³.

Файл “Shlomoh”

последних десятилетий, эта конфуцианская проблематика не потеряла своей актуальности и по сей день.

⁴¹ Правда, в Книге Притчей я обнаружил два намека на важность городского самоуправления (24:7 и 31:23).

⁴² Обе эти цитаты – из стихотворения Вл. Соловьева “Ex Oriente lux”.

⁴³ См.: Рашковский Е.Б. Смыслы в истории...

